

53(05)
Л-50
16091

ЛѢСНОЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ЛѢСНЫМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ХІІІ-Й ГОДЪ.

Вып. 5 и 6-й.

Журналъ разсылается бесплатно всѣмъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членамъ Лѣснаго Общества.

СОДЕРЖАНІЕ 5 и 6-го ВЫПУСКА.

СТРАВ.

I. Извѣстія о дѣятельности Лѣснаго Общества	351
II. И. Августинovichъ. О ходѣ работъ по изслѣдованію и осуше- вію болотъ С.-Петербургской, Псковской, Новгородской, Ярослав- ской, Олонецкой и Вологодской губерній въ 1882 году.	369
III. Лѣсной ветеранъ. Личный составъ корпуса лѣсничихъ 40 слишкомъ лѣтъ тому назадъ	385
IV. В. Кармиловъ. Колесное производство (Окончаніе)	395
V. Извѣстія о личномъ составѣ корпуса лѣсничихъ	401
Труды 5-го съѣзда лѣсохозяевъ въ Москвѣ. (Приложеніе). Объявленія.	

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъячская, д. № 1.

1883.

III. Личный составъ корпуса лѣсничихъ 40 слишкомъ лѣтъ тому назадъ.

(Изъ воспоминаній лѣснаго ветерана).

Въ первомъ выпускѣ „Лѣснаго Журнала» за нынѣшній годъ я съ интересомъ прочиталъ статью уважаемаго *Θ. К. Ариольда*: „Къ исторіи русскаго государственнаго лѣснаго управленія» и мысленно перенесся въ то отдаленное время, когда только что началъ свою лѣсную службу. Считаю небезынтереснымъ для читателей «Лѣснаго Журнала» сообщить имъ и съ своей стороны отрывки изъ своихъ воспоминаній о томъ времени, которое отъ насъ отдѣляется почти полувѣкомъ неустанной дѣятельности государства по улучшенію лѣснаго хозяйства и энергической борьбы съ гнѣздившимися въ то время обычными злоупотребленіями.

Принявъ отъ сенатора Дубецкаго Департаментъ Государственныхъ Имуществъ и составивъ изъ него въ 1837 году особое Министерство, Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, возведенный впоследствии въ графское достоинство, засталъ въ лѣсномъ управленіи мало лицъ, свѣдушихъ въ спеціальностяхъ лѣснаго дѣла. Конечно, было много такихъ, которые долговременною службою въ губерніи усвоили себѣ рутину тогдашней лѣсной администраціи; но истинно свѣдущихъ людей находилось очень мало. Ихъ можно было перечестъ. Таковы были состоявніе на службѣ въ Лѣсномъ Институтѣ преподавателями: В. С. Семеновъ, К. П. Гильдеманъ, А. А. Длатовскій и ученый лѣсничій въ Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ Е. А. Петерсонъ. Дѣльный практикъ былъ Директоръ Лисинскаго лѣсничества Б. Б. Фрейрейсъ. *Считались еще знающими лѣсную

часть людьми, нѣсколько лицъ, воспитывавшихся въ бывшемъ Форстѣ-Институтѣ и нѣкоторые изъ нихъ, даже бывшіе для изученія лѣсоводства за границею, но изъ нихъ никто не выдавался рѣзко, а знаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ было сомнительнаго свойства,—по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ положительно, вслѣдствіе его бездарности и лживости,—должно считать виновникомъ того недовѣрія къ спеціально образованнымъ лѣсничимъ, какое овладѣло на нѣкоторое время графомъ Павломъ Дмитриевичемъ, недобросовѣстно обманутымъ подобнымъ лже-ученымъ человекомъ. Я говорю объ ученомъ лѣсничемъ Иванѣ Федоровичѣ Ш. Ему въ 1837 и 1838 годахъ поручено было устроить, въ видѣ образца, лѣса С.-Петербургской губерніи; но этотъ господинъ, ничего не понимавшій, пустился въ необузданную фантазію и наобѣщаль графу Киселеву изъ одной губерніи столько милліоновъ дохода, что когда, вслѣдъ за тѣмъ, уже въ 1839 году, сдѣлались ясными всѣ мыльные пузыри г-на Ш., Павлу Дмитриевичу горько было видѣть, что онъ могъ довѣриться такому пустому и лживому человеку.

В. С. Семеновъ и А. А. Длатовскій нужны были въ Лѣсномъ Институтѣ; перваго изъ нихъ вскорѣ назначили туда инспекторомъ классовъ, а для занятія каѳедры лѣсныхъ наукъ. взамѣнъ К. П. Гильдемана (къ несчастью, этотъ способный и знающій человекъ долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшей педагогической дѣятельности) вызвали, по рекомендаціи графа Н. М. Ламздорфа, изъ митавской гимназіи преподавателя Адольфа Карловича Боде. Опредѣленіе г. Боде на службу въ Лѣсной Институтъ весьма замѣчательно. Опредѣленіе послѣдовало на условіяхъ, весьма выгодныхъ для г. Боде, но убыточныхъ для казны. Почти всѣ были увѣрены и утверждали, что съ Боде заключенъ особый контрактъ; но, въ дѣйствительности, контракта не существовало, а опредѣленіе послѣдовало послѣ нѣсколькихъ официальныхъ писемъ, обмѣненныхъ съ Боде, въ которыхъ заключается переговоры условій, окончательно утвержденныхъ въ 1841 году особымъ Всеподданнѣйшимъ Докладомъ.

Боде вовсе не зналъ русскаго языка, а потому, какъ бы свѣдущъ онъ ни былъ, онъ не могъ передать своимъ слушателямъ нужныхъ имъ свѣдѣній; между тѣмъ, ему дано 2,000 руб. на переѣздъ въ С.-Петербургъ, назначено сверхъ квартиры по 3,000 р. жалованья въ годъ, присвоены въ отношеніи пенсіи права профессора университета и зачислены для 25 лѣтняго срока службы до

пенсіи всѣ года пребыванія его при Митавской гимназіи (4 или 5 лѣтъ). Во Всеподданнѣйшемъ Докладѣ выражено было, что Боде призывается въ Лѣсной Институтъ, какъ извѣстный по лѣсной части ученый и по неимѣнію изъ русскихъ лѣсничихъ соотвѣствующихъ для преподавательской должности людей. Эта причина въ послѣдствіи, когда со всѣхъ сторонъ получались неблагопріятныя для Боде отзывы объ его педагогической дѣятельности, затруднила удаленіе его, пока въ 1857 году Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ разрубилъ гордіевъ узелъ, не иначе, однако же, какъ испросивъ для г. Боде полный пенсіонъ и выдавъ ему одновременно 1,500 или 3,000 рублей (не помню точной цифры).

Е. А. Петерсонъ, разстроивъ свое здоровье въ Лисинскихъ болотахъ, отправился для излеченія за границу. Затѣмъ, для занятій въ администраціи не оставалось людей знающихъ. Фрейрейсъ вскорѣ вышелъ въ отставку, — да онъ, съ его угловатыми манерами, и не понравился Киселеву.

Открылось Министерство Г. И. съ тремя Департаментами. Администрація лѣсной части въ великороссійскихъ губерніяхъ, на оброчномъ положеніи состоящихъ, сосредоточена была въ 1-мъ Департаментѣ, а губерніи западныя и остзейскія, на хозяйственномъ положеніи состоящія, во 2-мъ Департаментѣ. Въ нихъ были начальниками отдѣленій Денисенко, Грешинцевъ, Пугавинъ. Учебныя заведенія по лѣсной части перешли въ завѣдываніе 3-го Департамента (директоръ генераль-адъютантъ Деллингсгаузенъ), гдѣ начальникомъ отдѣленія по этой части былъ капитанъ Дягилевъ, изъ военныхъ. Инспекторская часть, съ завѣдываніемъ личнаго состава корпуса лѣсничихъ, сосредоточена была въ особомъ дежурствѣ, подъ вѣдѣніемъ назначеннаго инспекторомъ корпуса лѣсничихъ генераль-маіора Мочульскаго. Тамъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ былъ маіоръ Кильхенъ. При дежурствѣ вскорѣ открыто было особое техническое отдѣленіе, порученное завѣдыванію маіора Бульмеринга, который, оставивъ медицинскую свою службу, изучалъ за границею лѣсную часть и, возвратясь въ Россію, былъ въ 1838 году назначенъ на мѣсто Е. А. Петерсона ученымъ лѣспичимъ въ Лисинское лѣсничество, но, поссорившись съ Фрейрейсомъ, опредѣленъ въ Петербургъ сначала въ 3-й Департаментъ, а вслѣдъ за тѣмъ въ дежурство.

Въ 1840 году возвратился изъ-за границы Е. А. Петерсонъ и опредѣленъ былъ ученымъ лѣсничимъ въ 3-й Департаментъ Госу-

дарственныхъ Имуществъ, а вслѣдъ за тѣмъ назначенъ членомъ Ученаго Комитета Министерства и открытаго при дежурствѣ Спеціального по лѣсной части Комитета.

Въ 1842 году мы находимъ инспекторомъ корпуса лѣсничихъ того же генераль-маіора Мочульскаго. Вице-инспекторами: 1) полковника флигель-адъютанта графа Ламздорфа, перешедшаго въ 1837 году изъ начальниковъ отдѣленія Военнаго Министерства въ директоры Лѣснаго Института, а оттуда, въ 1841 г., въ вице-инспекторы; 2) полковника Павлова, бывшаго предъ тѣмъ нѣсколько лѣтъ батальоннымъ командиромъ въ Лѣсномъ Институтѣ; 3) подполковника Яковлева, бывшаго предъ тѣмъ года три С.-Петербургскимъ губернскимъ лѣсничимъ, куда онъ поступилъ, кажется, изъ какой-то штатской службы, и 4) подполковника Бульмеринга, о которомъ уже выше было сказано.

Въ 1841 году возвратились изъ-за границы, посланные туда въ 1838 г. на казенный счетъ И. Г. Войнюковъ и Е. Ф. Витте. Первый отправленъ въ Лисинское учебное лѣсничество для устройства и таксаціи тамошнихъ лѣсовъ, подъ руководствомъ Е. А. Петерсона, а Витте назначенъ ученымъ лѣсничимъ въ Архангельскую губернію. Вслѣдъ за тѣмъ И. Г. Войнюковъ переименованъ въ штабсъ-капитанъ и утвержденъ ученымъ лѣсничимъ Лисинскаго учебнаго лѣсничества.

Въ мартѣ 1842 года возвратился изъ-за границы посланный туда въ 1840 г. подпоручикъ Ѳ. К. Арнольдъ.

Е. А. Петерсонъ подалъ графу Ламздорфу мысль приступить къ устройству въ Россіи лѣсовъ, начавъ дѣло это съ важнѣйшихъ, а на покрытіе расходовъ, сопряженныхъ съ таксаціею, обратить избытокъ, ожидаемый отъ правильнаго лѣсоустройства сверхъ прежняго дохода, поступавшаго изъ тѣхъ же дачъ. Мысль эта была одобрена Киселевымъ и Высочайше утверждена въ видѣ опыта. Положено было начать дѣло съ весны 1842 года. Дачи были избраны, а Е. А. Петерсонъ составилъ краткое наставленіе къ производству таксаціи.

Большое затрудненіе встрѣтилось въ избраніи людей, которымъ бы можно было поручить исполненіе таксаціи. По необходимости пужбо было начать дѣло съ людьми неопытными, только что окончившими курсъ въ офицерскомъ классѣ Лѣснаго Института. Возвратившійся только что изъ-за границы подпоручикъ Арнольдъ былъ также привлеченъ къ таксаціоннымъ занятіямъ; ему пору-

чили устройство въ Вятской губерніи Порекской дачи, съ помощью подпоручиковъ Нольде и Шульца. Таксацію Лосинаго Погоннаго острова близъ Москвы возложили на подпоручика Гримме, съ помощью прапорщика Шелгунова. Въ Нижній Новгородъ, въ Ризадѣвскую дачу послали подпоручика Ошмана; въ Тульскую губернію, въ Одоевскую дачу, подпоручика Шельбаха; въ Новгородскую губернію—подпоручика Ковалева; въ Казанскую губернію—подпоручиковъ Коневского и Мокушева и т. д.

Работы были совершенно новыя, и для всѣхъ офицеровъ, кромѣ Арнольда, вовсе незнакомыя. Предъ отъѣздомъ таксаторовъ изъ Петербурга, пмѣ, по возможности, подробно объясняли ходъ работъ Е. А. Петерсонъ и Арнольдъ, но за всѣмъ тѣмъ, обучение въ комнатѣ, разумѣется, мало помогло и работы, безъ сомнѣнія, въ первомъ году были исполнены дурно, хотя ими и остались весьма довольны.

Однако, хорошо ли, худо ли—начало было сдѣлано. Къ сожалѣнію, вице-инспектора, на которыхъ возложили направленіе и повѣрку работъ, сами ничего не знали и не могли наставить молодыхъ людей. Недостатокъ этотъ былъ исправленъ уже со втораго года работъ: въ 1843 г. часть таксаціонныхъ работъ повѣрялъ и направлялъ Е. А. Петерсонъ, а часть О. К. Арнольдъ. Въ послѣдствіи постоянно всѣ работы производились не иначе, какъ съ повѣркою на мѣстѣ кѣмъ-либо изъ членовъ Спеціального Комитета, а съ 1844 г. каждый годъ разѣзжалъ съ этою цѣлью назначенный въ Спеціальный Комитетъ постояннымъ членомъ П. Г. Войнюковъ. Войнюковъ все лѣто разѣзжалъ по таксаціоннымъ партіямъ, а прочіе члены, имѣвшіе и другія обязанности въ С.-Петербурѣ, уѣзжали мѣсяца на два или на три. Подъ руководствомъ Петерсона, Арнольда и Войнюкова образовались всѣ славившіеся впослѣдствіи лучшіе таксаторы: Коневецкій, Гржегоржевскій, Лозовскій, Мошинскій, Рожновскій 1, Остроменскій, Холшевниковъ, графъ Варгасъ де Бедемаръ, Грешнеръ 2, Шелгуновъ, Эрдманъ, Новицкій, Казицынъ и др.

Въ январѣ 1843 года учрежденъ былъ Лѣсной Департаментъ. Директоромъ его назначенъ флигель-адъютантъ графъ Ламздорфъ, вице-директоромъ — полковникъ Тиличевъ; начальниками отдѣлений поступили:

Въ I инспекторское—штабъ-офицеромъ майоръ Кильхенъ.

Во II—по оброчнымъ статьямъ и лѣсной стражѣ, колеж. сов. Грешищевъ.

Въ III, судное,—колеж. сов. Пугавинъ.

Въ IV, по устройству и разведенію лѣсовъ, надв. сов. Е. А. Петерсонъ, котораго, однако, уже съ 1844 г. замѣнилъ Арнольдъ.

Въ V, по употребленію лѣсовъ, кол. сов. Денисенко.

Въ VI счетное, надв. сов. Нестеровъ. Чертежная поручена за-вѣдыванію кол. асс. Пундта.

Ученымъ лѣсничимъ при Департаментѣ и дѣлопроизводителемъ Специальнаго по лѣсной части Комитета въ началѣ состоялъ майоръ К. П. Гильдеманъ, а, по прїѣздѣ изъ губерній въ декабрѣ 1843 года О. К. Арнольда, вступилъ въ эти должности послѣдній. Членами Специальнаго Комитета находились, подъ предсѣдательствомъ графа Ламздорфа, полковникъ Бульмерингъ, Тилличеевъ, Семеновъ, Петерсонъ и Длатовскій. Въ засѣданіе приглашались и всѣ вице-инспектора во время ихъ бытности въ Петербургѣ.

Къ началу 1844 года возвратились изъ-за границы подпоручики К. Б. Бекманъ и А. Н. Муравьевъ. Первый отправленъ для осмотра въ сѣверномъ краѣ Россіи лѣсотехническихъ заведеній и постройки послѣ того подобныхъ заведеній въ Лисинскомъ лѣсничествѣ, а второму поручено было устройство и таксація Бѣловѣжской Пущи въ Гродненской губерніи.

Итакъ, Гг. Семеновъ, Петерсонъ, Длатовскій, Войнюковъ, Витте, Арнольдъ, Бекманъ, Муравьевъ и еще нѣсколько десятковъ вновь выпущенныхъ изъ Лѣснаго Института офицеровъ, составили ядро, изъ котораго должны были вырасти всѣ крайне необходимыя реформы по лѣсному управленію.

Конечно, кромѣ этихъ лицъ, были на службѣ въ губерніяхъ весьма многіе полезныя, знающіе и честные офицеры, но всѣ они вначалѣ держались въ сторонѣ, — никто не подавалъ своего голоса,—всѣ какъ бы опасались какихъ бы то ни было переменъ; думали — бабушка на двое сказала, будетъ ли лучше, а ужъ вѣрно то, что какъ начнутся улучшенія, не подходящія къ закаленному праву истаго чиновничества, то изворотливый и опытный рутинистъ стараго времени сотретъ насъ съ лица земли, если и мы дадимъ голосъ противъ нихъ. Такъ думали и молчали лучшіе, а что дѣлали другіе? Другіе противились всякому нововведенію, почитая таковое нарушеніемъ стародавнихъ своихъ привилегій, въ

силу которыхъ они жили безъ всякихъ тревогъ въ тихомъ омутѣ. Въ видѣ образчиковъ, представлю два типа такихъ лѣсничихъ.

Привелось мнѣ по службѣ заѣхать къ окружному лѣсничему въ С.-Петербургской губерніи, Г. В...; служилъ онъ лѣтъ 25 по лѣсной части; человѣкъ былъ обходительный, съ мягкими манерами. Не находя въ деревнѣ, кромѣ черныхъ избъ, другаго помѣщенія, я радъ былъ приглашенію поселиться у него. Устроилъ онъ мнѣ и мягкую постель, и кормилъ, и поилъ меня, — словомъ былъ милѣйшій хозяинъ. Это, однако, нисколько не мѣшало ему быть плохимъ и плутоватымъ чиновникомъ, если ужъ не употребить словечко покрѣпче.

„Эхъ, молодой человѣкъ,“ — сказалъ мнѣ В. въ разговорѣ, — изъ-за чего Вы хлопчете во-имя Вашей науки? Вѣрите мнѣ, — вся хитрость лѣсоводства заключается въ знаніи лѣсныхъ узаконеній и капцелярскихъ формъ. Все прочее вздоръ: человѣкъ не въ силахъ заставить лѣсъ расти. Наше дѣло очищать себя отъ отвѣтственности на законномъ основаніи; но не должно быть и извергомъ, — самъ Богъ велѣлъ любить ближняго, — такъ коли можно, должно и миловать. Вѣдь всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь, всего не усмотришь, — значитъ, гдѣ отвернулся, тамъ и не видѣлъ, — на душѣ и нѣтъ грѣха, — можно хоть подъ присягой сказать, что не видѣлъ, а между тѣмъ людямъ сдѣлалъ добро, — они и благодарны, молятся за насъ Богу. Вотъ такимъ-то прямымъ человѣкомъ я былъ съ самага начала службы, — и былъ всегда сытъ, и дѣтей вскормилъ и на ноги поставилъ, и никто дурнаго словечка обо мнѣ не скажетъ; всякъ отзовется: „баринъ, — одно слово баринъ“.

И точно, мнѣ позже крестьяне говорили о В.: „баринъ онъ добрый, что ни на есть баринъ! придешь съ повинной, не обругаетъ, — покричитъ, покричитъ, да и проститъ. Рукамъ-то рѣдко даетъ волю, — развѣ что какой голоперъ придетъ совсѣмъ порожнемъ, — ну такъ такой и самъ виноватъ: какъ же можно пустышемъ да лѣзть къ барину; вѣстимо, что немазанное колесо скрипитъ, — ужъ порядки всякъ соблюдай.“

В. держался той политики, что крестьянъ не должно прижимать, — народъ они нужный. Какъ знать, не случится-ли бѣда какая, — набѣжить слѣдствіе; — кого возьмутъ къ допросу? — крестьянъ; — показанія ихъ могутъ и запутать и выручить лѣсничаго, въ въ лѣсу-то пойдутъ искать по дорогѣ, — безъ-указанія ничего не найдутъ, а въ указчики опять-таки возьмутъ крестьянина. Такъ и

нужно беречь крестьянъ, — на нихъ не налегать; — провинился кто изъ нихъ, — пусть малымъ отдѣляется, пустячками: яичками, курами, сѣнцомъ, овсецомъ, — или какъ благовѣрная супруга В. говаривала: „принесутъ, что самимъ не нужно“. За то съ промышленниками В. не церемонился, тутъ хулы себѣ на руку не клалъ. Въдѣ по закону — кто даетъ, отвѣтствуетъ столько же, какъ и тотъ, кто беретъ, — стало быть не выдастъ. Промышленникъ раскошеливается, — въ убыткахъ самъ не будетъ. Ужь и не пускалъ В. къ себѣ въ лѣсничество трусливыхъ и сонливыхъ промышленниковъ. Въ одной дачѣ В. вырубилъ до чиста средину острововъ, оставивъ одни опушки, и сошли они при сдачѣ за нетронутый лѣсъ. Въ другой дачѣ велѣно было продать лѣсъ съ четырехъ просѣкъ; — В. и продалъ съ четырехъ только просѣкъ, но не съ тѣхъ, какія назначены, а пустилъ зигъ-загомъ рубить, гдѣ получше лѣсокъ. На этомъ то попался, — никакъ не думалъ, что начальство пришлетъ посторонняго, не палатскаго, смотрѣть въ лѣсу, да еще молодого. Бывало прїѣзжалъ и губернской лѣсничій, — да того провезутъ по дорожкѣ, если ужъ не удовольствуется канцеляріей — прїѣзжали и другіе отъ палаты, отъ губернатора, даже отъ министра — ну съ ними и пойдетъ объѣздчикъ или полѣсовщикъ: въ десяти десятинахъ цѣлый день съ ними исходятъ, и по другой дорожкѣ приведутъ домой. Вотъ, говорятъ, прошли дачу вдоль и поперекъ, — все въ порядкѣ, — лѣсокъ чудный. Вдругъ какого-то сумазброда прислали, — беретъ въ руки планъ и компасъ, а объѣздчика отсылаетъ, говоритъ „не нуженъ-ты мнѣ“. Подпалъ В. подъ слѣдствіе, — лѣтъ 5 судили, а въдѣ вышелъ цѣль и невредимъ; — отдѣлался отставкою по прошенію.

Или всмотритесь въ другаго лѣсничаго, изъ военныхъ съ Кавказа, бросившаго боевую жизнь, въ чайніи хлѣбнаго мѣстечка. Капитанъ П.... въ 1839 году опредѣлился лѣсничимъ въ В. губернію. Я засталъ сокровище это въ 1842 г. уже разжирѣвшимъ, не задолго до выхода его въ отставку. Былъ онъ роста невысокаго, широкоплечій, грамоту зналъ плохо, глядѣлъ опасности прямо въ глаза, — не отступалъ ни предъ какими затрудненіями, — штурмомъ завоевывалъ себѣ капиталецъ. Выпало на долю его лѣсничество обширное, — удобное для слава лѣса; было тутъ и много государственныхъ крестьянъ (около 20 т. душъ), и много промышленниковъ, добивавшихся получить тамъ, а не въ другомъ мѣстѣ, заготовку лѣса. Нашъ капитанъ устроилъ свои дѣла такъ, что каждое

сельское общество должно было его ежегодно къ новому году благодарить 10 коп. съ души, а кромѣ того завелъ очередь селеніямъ, когда какому привозить яйца, масло, телятъ, сѣна и овса, для домашняго обихода. Промышленники подлежали двойному сбору: за право получить всю имѣющую пропорцію строеваго лѣса платили одно: дружескіе переговоры рѣшали, кому выдать билетъ. Конечно выдавался билетъ тому, кто сверхъ таксъ, идущихъ въ казну, ублаговворялъ капитана болѣе другихъ; тогда остальнымъ отказывалось за отпускомъ уже всей смѣтной пропорціи. Рубить не воспрещалось, гдѣ угодно, по всему лѣсничеству, но чтобъ на берегъ рѣчки вывезено не было ни одного бревна болѣе противу писаннаго въ билетѣ. За тѣмъ второе благодареніе совершалось передъ выдачею сплавнаго билета. Тутъ уже установилась напередъ твердая норма: за каждый плотъ — 1000 р., за каждое судно съ издѣліями 500 р.; хочешь плати, не хочешь не получишь во-время сплавнаго билета,—времени нѣтъ, не успѣваетъ,—каждый день въ развѣздахъ,—есть важнѣе дѣла, — жди очереди—и протянетъ до убыли воды! Всякій предпочиталъ вносить безпрекословно подать.

Такъ-то повелъ дѣла свои П... и въ 3½ года, говорили будто заребъ чистоганомъ 25 т. руб., взялъ да и раскланялся.

Въ той-же В... губерніи, нѣсколькими годами ранѣе, былъ съ другимъ лѣсничимъ вотъ какой случай: начальникъ губерніи вздумалъ объѣзжать уѣзды; завернулъ и къ лѣсничему, а у того канцелярія пребольшущая: сидятъ писарей чуть-ли не пять. „На какія это Вы средства содержите писарей“?—спросилъ губернаторъ. Лѣсничій тотчасъ нашелся: „Ваше превосходительство,—люди эти занимаются у меня ради изученія канцелярскаго порядка,—думаютъ поступить на службу въ какое-либо присутственное мѣсто“. И удовлетворился начальникъ губерніи,—пришлось только лѣсничему, послѣ такого отвѣта,—дружески пожать руку чиновнику особыхъ порученій, сопровождавшаго начальника губерніи.

Насколько знанія тогдашнихъ лѣсничихъ были не обширныя, доказываетъ слѣдующій случай;—разсказывалъ мнѣ его одинъ таксаторъ за истину.

Вновь учрежденный Т... Палатѣ госуд. имущества между прочимъ предписано было отъ Министерства донести: были ли въ лѣсахъ губерніи культуры и какія отъ нихъ послѣдствія? Губернскій лѣсничій С..., задумавшись надъ словомъ „культура“, вызвалъ къ себѣ ревизора и пріѣхавшихъ въ городъ двухъ лѣсничихъ и пред-

394 личный составъ корпуса лѣсн. 40 слишкомъ лѣтъ тому назадъ.

ложилъ имъ рѣшить сдѣланный министерствомъ запросъ. Однако и они задумались и, потолковавъ не мало времени, остановились на томъ предположеніи, что „культура“ должно быть какое-либо насѣкомое,—а какое именно, о томъ слѣдуетъ спросить прибывшаго изъ С.-П.-бурга молодаго таксатора. Спросилъ губернской лѣсничій—на словахъ и отвѣтъ получилъ.

Съ подобнымъ составомъ лѣсныхъ чиновъ далеко не уйдешь, а ужь $\frac{2}{3}$ изъ наличныхъ навѣрно были въ родѣ В., П. и С.

Лѣсной ветеранъ.